
К.С.СТАНИСЛАВСКИЙ

СТАТЬИ
РЕЧИ · БЕСЕДЫ
ПИСЬМА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИСКУССТВО
МОСКВА · 1953

ИЗ ПИСЕМ К А. П. ЧЕХОВУ

О «ВИШНЕВОМ САДЕ»

I

[20] октября 1903 г.

Телеграмма

Ялта. [Из] Москвы

Сейчас только прочел пьесу. Потрясен, не могу опомниться. Нахожусь в небывалом восторге. Считаю пьесу лучшей из всего прекрасного Вами написанного. Сердечно поздравляю гениального автора. Чувствую, ценю каждое слово. Благодарю за доставленное уже и предстоящее большое наслаждение. Будьте здоровы.

Алексеев

II

[20] октября 1903 г.

Дорогой Антон Павлович!

По-моему, «Вишневый сад» — это лучшая Ваша пьеса. Я полюбил ее даже больше милой «Чайки». Это не комедия, не фарс, как Вы писали ¹, — это трагедия, какой бы исход к лучшей жизни Вы ни открывали в последнем акте. Впечатление огромно, и это достигнуто полутонами, нежными акварельными красками. В ней больше поэзии и лирики, сценичности; все роли, не исключая прохожего, — блестящи. Если бы мне предложили выбрать себе роль по вкусу, я бы запутался, до такой степени каждая из них манит к себе. Боюсь, что все это слишком тонко для публики. Она не скоро поймет все тонкости. Увы, сколько глупостей придется читать и слышать о пьесе. Тем не менее

успех будет огромный, так как пьеса забирает. Она до такой степени цельна, что из нее нельзя вычеркнуть слова. Может быть, я пристрастен, но я не нахожу никакого недостатка в пьесе. Есть один: она требует слишком больших и тонких актеров, чтоб обнаружить все ее красоты. Мы не сможем этого сделать. При первом чтении меня смутило одно обстоятельство: я сразу был захвачен и зажил пьесой. Этого не было ни с «Чайкой», ни с «Тремя сестрами». Я привык к смутным впечатлениям от первого чтения Ваших пьес. Вот почему я боялся, что при вторичном чтении пьеса не захватит меня. Куда тут!!! Я плакал, как женщина, хотел, но не мог сдержаться. Слышу, как Вы говорите: «Позвольте, да ведь это же фарс»... Нет, для простого человека это — трагедия. Я ощущаю к этой пьесе особую нежность и любовь. Я почти не слышу критики, хотя актеры любят критиковать. На этот раз как-то все сразу подчинилось. Если же и раздается голос критика, я улыбаюсь и не даю себе труда спорить. Я жалею критикующего. Кто-то сказал: самый лучший акт 4-й, а наименее удачный — это 2-й. Мне смешно, и я не спорю. Начинаю только припоминать сцену за сценой 2-го акта, и уже это лицо сбито с толку. 4-й акт хорош именно потому, что 2-й акт великолепен, и наоборот. Я объявляю эту пьесу вне конкурса и не подлежащей критике. Кто ее не понимает, тот дурак. Это мое искреннее убеждение. Играть в ней я буду с восхищением все и, если было бы возможно, — хотел бы переиграть все роли, не исключая милой Шарлотты. Спасибо Вам, дорогой Антон Павлович, за большое наслаждение, уже испытанное и предстоящее. Как бы я хотел бросить все, освободиться от ярма Брута² — и целый день жить и заниматься «Вишневым садом». Противный Брут давит меня и высасывает из меня соки. Я его еще более возненавидел после милого «Вишневого сада». Крепко жму Вашу руку и прошу не принимать меня за психопатку.

Любящий и преданный К. Алексеев

III

2 ноября 1903 г.

Дорогой Антон Павлович!

Кажется, только сейчас нашел декорацию первого акта. Она очень трудна. Окна должны быть близко к авансцене, чтобы всей зале и внизу и наверху был виден вишневый сад; 3 двери; хочется, чтоб был виден хоть уголок комнаты Ани, светлой, девственной. Комната проходная, но надо, чтоб чувствовалось, что здесь (т. е. в детской) уютно, тепло и светло; комната забро-

шена, и чувствуется легкое опустошение. Кроме того, надо, чтоб декорация была удобна и с многими планировочными местами. Кажется, теперь удастся выразить все это. Помните, в прошлом году Симов показывал Вам макет, выработанный для тургеневской «Где тонко, там и рвется». Тогда мы решили, с Вашего одобрения, сохранить декорацию для последнего акта Вашей пьесы. Я смотрю на макет теперь и нахожу, что с некоторыми изменениями он очень подходящ (для 4-го акта). Если Вы помните макет, нет ли у Вас каких возражений? Сейчас начался 3-й акт «Дяди Вани». Прием восторженный, 89-й спектакль и сбор 1 400 рублей, несмотря на то что вчера шли «Три сестры» (тоже Чехова). Итак, 140 р. Вы сегодня нажили. Это неважно. А знаете, что важно: только в нынешнем году публика Вас раскусила. Никогда не слушали так Ваши пьесы, как в этом году. Гробовая тишина. Ни одного кашля, несмотря на ужасную погоду. Бедный Василий Васильевич Калужский. Сегодня похоронил отца и вечером принужден играть. Пока он бодр и крепится. Жму Вашу руку. Завтра постараюсь написать, если не очень измучаюсь после «Цезаря». Сегодня играю 7-й день сряду. «Устал, Федор Ильич!»³

Любящий и преданный К. Алексеев.

IV

19 ноября 1903 г.

Дорогой Антон Павлович!

Вчера опять не было времени написать. Был занят вторым актом и, наконец, кончил его⁴. По-моему, получается очаровательный акт. Бог даст, декорация выйдет удачная. Часовенка, овражек, заброшенное кладбище среди маленького лесного оазиса в степи. Левая часть сцены и середина без всяких кулис, один горизонт и даль. Это сделано одним сплошным полукруглым задником и пристановками для удаления его. Вдали в одном месте блестит речка, видна усадьба на пригорке. Телеграфные столбы и железнодорожный мост. Позвольте в одну из пауз пропустить поезд с дымочком. Это может отлично выйти. Перед закатом будет виден ненадолго город. К концу акта туман; особенно густо он будет подыматься из канавки на авансцене. Лягушачий концерт и коростель в самом конце⁵. Налево, на авансцене, — сенокос и маленькая копна, на которой и поведет сцену вся гуляющая компания. Это для актеров, им это поможет жить ролями. Общий тон декорации — левитановский. Природа — Орловской и не южнее Курской губернии.

Теперь работа идет так: вчера и сегодня вел репетицию 1-го акта Владимир Иванович, а я писал следующие акты. Я еще не репетировал своей роли. Все еще колеблюсь относительно декорации 3—4-го актов⁶. Макет сделан и вышел очень удачно: с настроением, и, кроме того, зал расположен так, что всему театру будет виден. На авансцене что-то вроде боскетной при зале. Далее — лестница и бильiardная. На стенах нарисованные окна. Для бала эта декорация удобнее. Однако какой-то голос шепчет мне все время, что при одной декорации, измененной в 4-м акте, спектакль будет легче — уютнее. На этих днях надо решать. Погода, увы, убийственная. Все опять стояло, и часто идет дождь.

Ваш К. Алексеев.

V

2 апреля 1904 г.

Телеграмма

Ялта. Чехову. [Из] Петербурга

Успех «Вишневого сада» у публики очень большой, несравненно больший Москвы⁷. С третьего акта сильно вызывали автора. Знатоки восторгаются пьесой. Газетчики мало понимают. В труппе большой подъем. Я торжествую. Поздравляю.

Алексеев

Публикуемые письма Станиславского к Чехову охватывают период с 20 октября 1903 г., т. е. от первого прочтения пьесы, до первого спектакля «Вишневого сада» во время гастролей МХТ в Петербурге 1 апреля 1904 г.

Письма К. С. Станиславского и М. П. Лилиной к А. П. Чехову опубликованы в «Ежегоднике МХТ» за 1944 г., т. I.

¹ «Пьесу назову комедией», — писал Чехов Немировичу-Данченко 2 сентября 1903 г. В письме к М. П. Алексеевой (Лилиной) от 15 сентября имеется подобное же указание автора: «Вышла у меня не драма, а комедия, местами даже фарс» (А. П. Чехов, Полн. собр. соч., т. 20, М., 1951, стр. 131).

² В трагедии «Юлий Цезарь», поставленной на сцене МХТ 2 октября 1903 г., Станиславский играл роль Брута: Он не считал Брута своей актерской удачей и тяготился ролью, о чем можно судить по ряду его писем к Чехову.

³ «Устал, Федор Ильич!» — реплика Кулыгина из первого действия «Трех сестер».

⁴ Имеется в виду работа по составлению режиссерского плана «Вишневого сада». На обложке второго акта режиссерской партитуры Станиславского имеется датировка: «18 ноября 1903».

⁵ Судя по ответу Чехова на это письмо, он не разделял увлечения Станиславского чрезмерными звуковыми и световыми эффектами. «Дорогой Константин Сергеевич, — писал Чехов 23 ноября 1903 г., — сенокос бывает обыкновенно 20—25 июня, в это время коростель, кажется, уже не кричит, лягушки тоже уже умолкают к этому времени. Кричит только иволга. Кладбища нет, оно было очень давно. Две-три плиты, лежащие беспорядочно, — вот и все, что осталось. Мост — это очень хорошо. Если поезд можно показать без шума, без единого звука, то — валяйте» (А. П. Чехов, Полн. собр. соч., т. 20, стр. 189—190). Замечания Чехова были приняты во внимание при постановке спектакля.

⁶ По первоначальному замыслу автора все четыре действия «Вишневого сада» должны были идти в разных декорациях. В рукописном тексте пьесы в режиссерском экземпляре Станиславского четвертое действие должно было представлять «залу в нижнем этаже». Станиславский просил у Чехова разрешения соединить в одной декорации третье и четвертое действия, чтобы сильнее донести ощущение «пустоты, неуютности и разгрома» комнаты, с которой уже сроднился зритель. Чехов дал Станиславскому разрешение на любые изменения в декорациях. В спектакле Художественного театра в одной декорации шли первое и четвертое действия. В соответствии с постановкой МХТ Чехов внес исправление в ремарку четвертого действия.

⁷ Первый спектакль «Вишневого сада» в Москве, на котором присутствовал А. П. Чехов, состоялся 17 января 1904 г. В Петербурге «Вишневый сад» был впервые показан в постановке МХТ 1 апреля 1904 г.